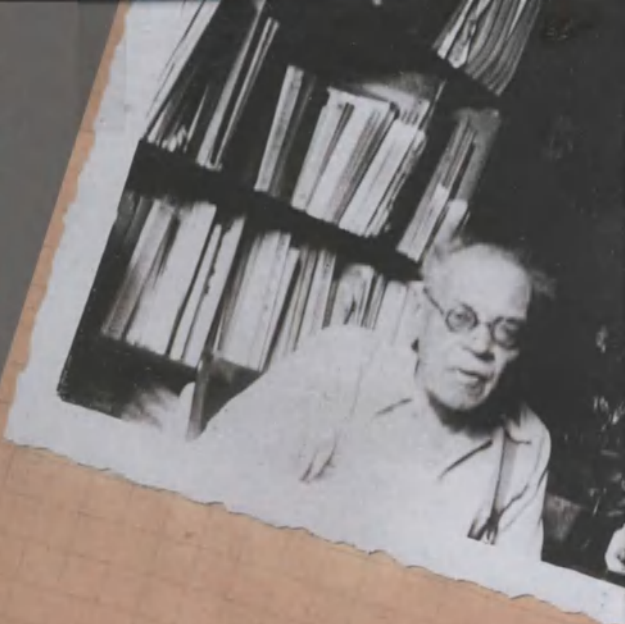

— Алексей РЕМИЗОВ Дневник мыслей

Алексей РЕМИЗОВ

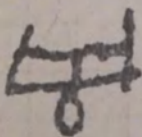
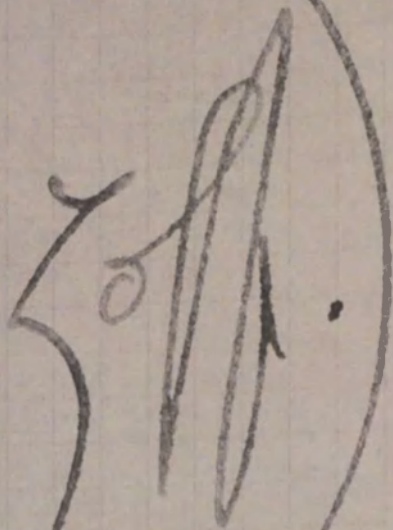
ДНЕВНИК МЫСЛЕЙ

Рави

Handwritten text in a cursive script, possibly a signature or name, written on lined paper. The text is partially obscured by a large, dark, circular scribble or mark on the right side of the page.

वि

m2

10
C

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Алексей РЕМИЗОВ

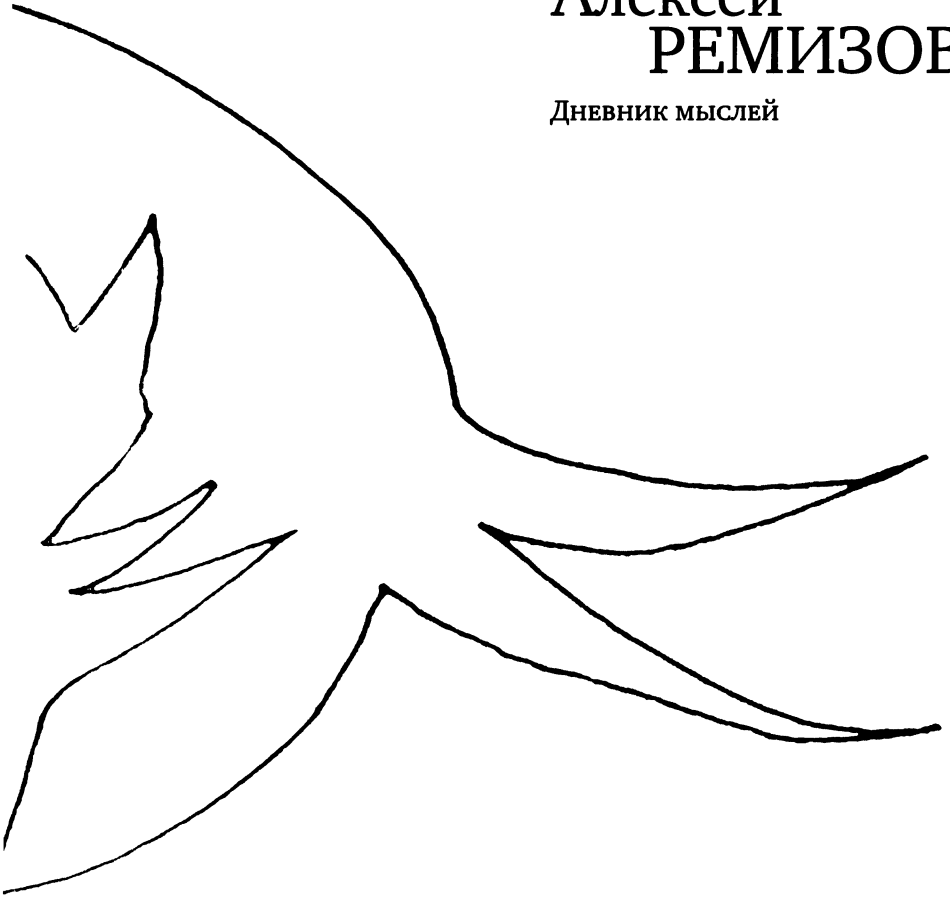
ДНЕВНИК МЫСЛЕЙ
1943 – 1957 гг.

ТОМ I
май 1943 – январь 1946

«Пушкинский Дом»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • 2013

Алексей РЕМИЗОВ

ДНЕВНИК МЫСЛЕЙ

УДК 821.161.1.09
ББК Ш5(2=Р)7-4Ремизов А.М.12
Р38

Исследование осуществлено и издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проекты № 07-04-00185а и № 12-04-16064д)

Редакционный совет РГАЛИ:

Т. М. Горяева (председатель), Л. М. Бабаева, Л. Н. Бодрова,
А. Л. Евстигнеева, Т. Л. Латыпова, М. А. Рашковская,
Е. Ю. Филькина, Л. В. Хачатурян, Н. А. Стрижкова

Ремизов А. М.

Р38 Дневник мыслей. 1943—1957 гг. / Отв. ред., автор вступ. ст. А. М. Грачева; Подгот. текста А. М. Грачевой, Н. М. Конычевой, Л. В. Хачатурян; Коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. — Т. 1: Май 1943 — январь 1946. — 376 с.; ил.

ISBN 978-5-91476-048-6

«Дневник мыслей» (1943—1957) классика русского авангарда Алексея Ремизова — уникальное произведение документально-художественной прозы русской эмиграции. Начатый в годы оккупации Парижа, дневник дает точную фиксацию и осмысление современных политических событий (окончание Второй мировой войны, репатриация русских эмигрантов, реакция России в изгнание на смерть И. В. Сталина и т. п.), отражает процесс творческой работы Ремизова-писателя, содержит его воспоминания об эпохе Серебряного века и сюрреалистические сновидения. Огромен охват действующих лиц дневника: от исторических деятелей и героев произведений средневековой и новой европейских литератур до современных политических деятелей, литераторов, философов, художников русской эмиграции, СССР, Франции и других стран. Первый том содержит записи 1943—1946 гг. Текст дневника предваряется вступительной статьей, сопровождается научным комментарием и обширным аннотированным именным указателем; впервые публикуются иллюстративные материалы — рисунки Ремизова военного периода.

УДК 821.161.1.09

ББК Ш5(2=Р)7-4Ремизов А.М.12

- © Российский государственный архив литературы и искусства, 2013
- © А. М. Грачева, Н. М. Конычева, Л. В. Хачатурян, подгот. текста, 2013
- © А. М. Грачева, Л. В. Хачатурян, комментарии, 2013
- © А. М. Грачева, вступ. ст., 2013
- © Л. Л. Ликальтер, художественное оформление 2013
- © Издательство «Пушкинский Дом», 2013

ISBN 978-5-91476-048-6

Содержание

А. М. Грачева. «Дневник мыслей» Алексея Ремизова	7
От составителей	29
Дневниковые записи. Май – сентябрь 1943	35
Тетрадь I. Октябрь 1943 – март 1945	41
Тетрадь II. Март 1945 – январь 1946	163
Комментарии	303
Источники текста	334
Список сокращений	335
Указатель имен	335
Список иллюстраций	374

«Дневник мыслей» Алексея Ремизова

Алексей Михайлович Ремизов вёл дневники на протяжении почти всей своей жизни. Имеются автобиографические сведения об уничтожении писателем своих юношеских записей такого рода. Краткие дневниковые заметки 1900-х — начала 1910-х гг. были использованы Ремизовым в книге «Кукха», посвящённой Вас. Розанову. К сожалению, ныне они также утрачены. Из ранних дневников целостно сохранился Дневник 1917—1921 гг., ставший одним из источников романа-коллажа «Взвихрённая Русь».¹ В нем краткие записи о ежедневных занятиях и встречах Ремизова сочетались с его оценками совершавшихся исторических событий, с фиксацией снов писателя и его супруги — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, а также с набросками и планами литературных произведений. Уже с этого времени берут начало ремизовские дневники особого типа — графические, представляющие собой ежедневно попол-

1. См.: Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг. // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 5. С. 423—533.

нявшиеся альбомы рисунков. Пример такого творчества — известный альбом «Последний путь из России 1921 5 августа».² В 1930-е гг. этот тип «дневников» доминировал, свидетельство чему хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Российском государственном архиве литературы и искусства «графические дневники» — альбомы 1933—1940 гг.³

В годы Второй мировой войны Ремизов, остававшийся в оккупированном Париже, был всецело занят поисками средств к существованию и заботами об умиравшей жене, и поэтому прекратил ведение дневников. В позднейшей надписи на альбоме «Мой графический дневник (20. IV. 1940 — 16. VIII. 1940)» Ремизов свидетельствовал: «Вынужден был прекратить: под угрозой обыска имени, хотя бы и приснившиеся, — отвечают. Я продолжал рисовать, но без подписей, в отдельных альбомах, а не на листах».⁴ Ко времени войны относятся лишь краткие дневниковые записи рубежа 1941—1942 гг., озаглавленные «Моя отходная». В них литератор отмечал: «Какая моя теперь жизнь (...) Урвал минуту — и слава Богу (...) Записываю, только записываю урывком. С ½ 9-го утра до ½ 9-го вечера по хозяйству: в очереди и на кухне».⁵ С. П. Ремизова умерла 13 мая 1943 г. За несколько дней до ее смерти Ремизов вновь стал делать регулярные записи. Впоследствии он так охарактеризовал цель этого краткого дневника: «Начал я его, как отвезли Серафиму Павловну в госпиталь, для нее: встречи и сны, — взял я эту тетрадку и остановился: писать больше некому. И положил тетрадь к моей „Отходной“».⁶

Новый непрерывный период ведения дневников начался с конца мая 1943 г. Первоначально их основная тема — осмысление жизни без лю-

2. РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 44.

3. См., например: *Ремизов А. М. Мой графический дневник (20. X. 1939 — 19. IV. 1940)* // Там же. Ед. хр. 46.

4. Там же. Ед. хр. 49. Л. 1.

5. *Ремизов А. М. Моя отходная* / Публ. и вступ. ст. А. М. Грачевой // Блоковский сборник. Тарту, 2003. [Вып.] 16: Александр Блок и русская культура первой половины XX века. С. 192.

6. *Ремизов А. М. В розовом блеске* / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. А. Чалмаева. М., 1990. С. 705.

бимой и поиски установления астральных (сновидческих) контактов с нею. Как примеры можно привести записи, фиксирующие ремизовские видения в ночь с 14 на 15 июня: «В первый раз видел во сне С(ерафиму) П(авловну)⁷ в белом. В ее комнате огромное окно и видно зарево. Мы оба в этой комнате, но странно, ее я вижу, хоть и рядом с собой, а как будто на дальнем расстоянии: лицо в „общих чертах“»; далее, видение в ночь с 3 на 4 сентября: «Оклик: А (лексей), ты меня любишь теперь?»; наконец, видение в ночь с 10 на 11 сентября: «С. П. уезжает куда-то далеко, куда мне трудно проникнуть. „Как же, думаю, она будет и Пасху одна?“»; наконец, запись в ночь с 14 на 15 сентября: «Больно-больно».

Возобновившееся ведение дневников не прекращалось до ноября 1957 г. — до кончины писателя, который делал ежедневные записи несмотря на слепоту, прогрессирующую с 1953 г.

Поздние дневники Ремизова — это произведения документально-художественной прозы особого рода. Литературная ученица писателя Н. В. Кодрянская зафиксировала авторское определение их жанрового подвита: «С октября 1943 года Алексей Михайлович снова записывает свои сны: „Дневник мыслей“ (тридцать тетрадей). В двух первых тетрадях не только его сны, но и другие записи, главным образом о Серафиме Павловне».⁸

Термин «дневник мыслей», обозначающий вид дневникового жанра, восходит к названию небольшого текста Льва Шестова, содержащего частично датированные записи рубежа 1919—1920 гг. — времени отъезда философа из России в Швейцарию. Шестовский «Дневник мыслей» был впервые опубликован только в 1976 г.,⁹ однако по рукописи, как очевидно, он был известен его близкому другу — Алексею Ремизову. Этот текст

7. По свидетельству мемуаристов, в личной жизни Ремизов и его супруга всегда называли друг друга по имени и отчеству. В книгах, основанных на фактах биографии жены, писатель выводит ее или как Серафиму Павловну, или под придуманным ею самоназванием — Оля. В дневниковых записях она всегда обозначается инициалами С. П. (далее в цитатах они не раскрываются).

8. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 20.

9. Шестов Л. Дневник мыслей // Континент (Париж). 1976. № 8. С. 235—252.

создавался в экстремальных обстоятельствах, когда Шестов пробирался сквозь охваченную огнем Гражданской войны Украину в Крым, чтобы отсюда выехать в Европу. Однако внешняя сторона действительности (реальные передвижения Шестова-беженца) почти не отражена в тексте. Его основное содержание — движение мысли Шестова-философа. Лейт-мотивная тема — преодоление страданий человека силой его разума. Как почти всегда у Шестова, антиномия мыслимого и сущего остается неразрешимой, но главное заключается в стремлении человека к борению с тяготами бытия. Другие темы «Дневника мыслей» Шестова — это темы старости, памяти и «оправдания» литературного труда. По мнению философа, воскрешение памяти является для творческой личности одним из важнейших способов преодоления действительности, полной трагических безысходных противоречий и переживаемой как оставленная Богом. В шестовском тексте отражено также важное для Ремизова осмысление соотношения сновидения и реальности. Шестов писал: «Еще во сне можно забываться — но, пожалуй, скоро и во сне будешь чувствовать явь и начнешь повторять за Ибсенем: я никогда не сплю, я только притворяюсь, что сплю. Верно, это давно бы случилось — если бы физические силы не ослабевали. Но ведь природа под конец уже не считается с организмом. Обезобразила явь, обезобразит и сон. Все разрушит — только сохранит себя и свою вечную, нетленную, равнодушную красоту».¹⁰

Возможно, идея использовать определение, придуманное другом-философом, возникла у Ремизова в связи с обстоятельствами его жизни в 1940-х — 1950-х гг. В письме к Н. Кодрянской от 27 января 1956 г. он заметил: «Упорное записывание — запись мыслей. Это, как на инструменте, надо упражняться. Надо что-то обязательно ежедневно. Мне так трудно писать, меня спасает утреннее записывание снов».¹¹ В создававшейся в 1940-е гг. книге «Мышкина дудочка» Ремизов дал такое толкование природы сна: «Природа сновидения — мысль. И все, что совершается во сне, все только мысленно. Помимо мысли ничего. Нет разницы: „я что-

10. Там же. С. 245.

11. Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 397.

то делаю или думаю, что делаю“. Мне случилось однажды годами недосыпать. Я провел без смены больше тысячи ночей на дежурстве при больном, а день на кухне, и нет минуты прилечь. Я клевал носом и засыпал, стоя в очередях. И незаметно явь перешла в сон». ¹² Полуслепой, а затем и слепой старый писатель был обречен на безвыездное, а потом и безвыходное пребывание в стенах своей квартиры на улице Буало, куда с годами приходило все меньше посетителей. Зато ночью в сновидениях Ремизов был невероятно подвижен, совершал головокружительные путешествия, общался с массой живых и умерших друзей, как современников, так и творцов культуры всех времен и народов, наконец, в той, ночной жизни продолжал жить, разговаривать, странствовать вместе с постоянной спутницей — любимой женой. Неслучайно автобиографический очерк «А. Р. (Дом, отмеченный войной)» (1955), посвященный характеристике быта, личности и образа его жизни, завершался так: «А этого никто не видит. До ночи далеко, когда без проводника и слепой белой палки я выйду на волю — улицы, здания сновидений и люди из всех миров без времени, без счета лет». ¹³

Ремизовский «Дневник мыслей» 1943—1957 гг., за исключением ранних заметок первых месяцев после смерти Серафимы Павловны, представляет собой комплекс «общих» тетрадей в клетку, содержащих ежедневные записи. Они расположены на левой и правой сторонах разворота тетради. Слева — лапидарные записи: фиксация дневных событий, большей частью состоящая из перечисления посетителей квартиры Ремизова; из краткого перечня бытовых дел, а также из размышлений автора по волнующим его темам. Более богата событиями, встречами и свиданиями «жизнь», запечатленная на правой стороне разворота — это изложение содержания сновидений, увиденных писателем в ночь с такого-то на такое-то число. Друг и биограф писателя Н. В. Резникова оставила воспоминания о последовательности работы Ремизова над

12. Ремизов А. М. Мышкина дудочка // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 100.

13. Ремизов А. М. Лицо писателя. Материалы к книге // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб., 2010. С. 295.

поздними дневниковыми записями: «За (...) дни и ночи, проведенные на рю Буало, я смогла хорошо узнать жизнь А. М. „за кулисами, — в те часы, когда посетителей у него не бывало. А. М. просыпался рано, было еще темно, вставал и выпивал чашечку крепкого черного кофе, приготовленную с вечера. Сразу садился за письменный стол и записывал свой сон, чтобы не забыть: образы сна развеиваются. Затем следовало бритье: ставил на тот же письменный стол четырехугольное зеркальце, горячую воду и тщательно, привычной рукой брился безопасной бритвой. После бритья А. М. пил чай с хлебом на кухне и сразу приступал к работе. На столе стояла круглая стеклянная чернильница, писал А. М. старым стилем, макая его в чернила, рисовал так же».¹⁴

Как показал анализ рукописи, утром Ремизов фиксировал свой сон, а потом в конце дня или на следующее утро добавлял на противоположной стороне тетрадного разворота прошедшие события. С течением времени соотношение между фиксацией яви и сновидений менялось так: дневные записи все более сокращались, пока не стали входить в состав записи сна как его малая, а подчас и окказиональная составляющая.

Повторим, что Ремизов занимался регистрацией своих сновидений еще с дореволюционных времен. Для писателя астральный мир, отраженный в записях снов, составлял реальность особого рода — параллельную, равноценную и сопоставимую с действительностью. Это был мир, населенный его литературными знакомыми, родными, а также «вечными спутниками» из вселенной культуры, встречавшимися Ремизову на ночных звездных путях странствования его души. Следствиями нервного потрясения, испытанного писателем в 1909 г. после «обвинения в плагиате», были язва желудка и нарушения сна, в одной из прерывистых фаз которого Ремизов мог отчасти сознательно настраивать себя на тематические видения. Их сюжеты впоследствии могли быть использованы писателем в литературном творчестве. Вторая, сновидческая реальность

14. Резникова Н. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 108.

делалась недоступной Ремизову только тогда, когда события первой становились настолько агрессивными, что перекрывали путь в пространство второй. Это то, о чем говорил в «Дневнике мыслей» Лев Шестов: «Скоро и во сне будешь чувствовать явь». Ремизовские записи в дневниках, отмечающие факт потери сновидений («сны мне больше не снятся»), появлялись в экстремальные периоды жизни писателя, такие, например, как месяцы голодной, полной борьбы за выживание петроградской зимы 1918—1919 гг. или как рубеж 1941—1942 гг. — время последней, «смертной» болезни Серафимы Павловны.

«Дневник мыслей» Ремизова 1943—1957 гг., вслед за своим прообразом — «Дневником мыслей» Льва Шестова, представляет собой последовательную фиксацию авторского мышления образами, сцепления которых создают сюжеты сновидений. Современный ученый-психолог А. А. Налчаджян, специалист по изучению сновидений, отметил: «Использование в сновидениях механизма сгущения мыслей приводит к формированию образов-метафор. Такое сгущение осуществляется для подчеркивания чего-то или для создания специфического эффекта. В едином сновидном образе могут комбинироваться прошлое и настоящее. Спящий обходит логические и пространственно-временные связи для создания таких образов, которые лучше всего выражают его актуальные переживания. (...) Если обилие сновидений характерно для творчески одаренных людей, тогда можно выдвинуть гипотезу, согласно которой мозговые механизмы сновидений являются до некоторой степени и механизмами подсознательного творческого процесса. (...) Исходя из этого, мы считаем, что обильные сновидения не только положительно коррелируют с творческой одаренностью: сновидная психическая активность развивает творческие способности личности».¹⁵

В «Дневнике мыслей» Ремизова сно-формы возникают как результат ряда мыслительных процессов. Во-первых, в образах сновидений совершается материализация практических жизненных проблем, наяву

15. Налчаджян А. А. Ночная жизнь: Личность в своих сновидениях. СПб., 2004. С. 39, 117.

волнующих Ремизова. Среди них одним из главных на рубеже 1940-х — 1950-х гг. был вопрос о возможности вернуться на родину — в СССР.

Победа Советского Союза над нацистской Германией вызвала в кругах эмиграции подъем патриотических чувств, которые СССР старался использовать в своих политических целях. В 1946 г. был издан Указ Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве лиц, проживавших на территории Российской империи. После окончания Второй мировой войны советское правительство предпринимало усилия по возвращению на родину видных деятелей русской культуры.

А. М. Ремизов был в числе тех, кто пережил взлет патриотических эмоций и надежд вернуться в Россию. После смерти жены он связывал возвращение с мыслями об оставшейся в СССР дочери. 14 февраля 1945 г. в Париже состоялся так называемый «визит к послу» — посещение советского посла А. Е. Богомолова частью значительных политических и культурных деятелей русской эмиграции. В их число входил и Ремизов. Он был и среди тех, кто взял советский паспорт. В 1946—1948 гг. писатель дружески контактировал с лицами, являвшимися членами Союза советских патриотов (А. Ладинским, Б. Сосинским и др.). Вплоть до закрытия издания он много и активно печатался в газете «Советский патриот». Так, в 1947 г. на ее страницах появилось шесть публикаций глав из книги «Иверень», посвященной годам его революционной юности. Как известно, Ремизову давались серьезные обещания, что, в случае его возвращения, в СССР начнется публикация его произведений. Уже шла конкретная работа над «пилотным проектом» — изданием в Москве сборника его избранных произведений.

Шаги писателя, направленные к открытию пути в Россию, получили разноречивые оценки в кругах парижской эмиграции. Доброжелатели «прощали» и «объясняли» их обстоятельствами его жизни. В этом плане характерно свидетельство Н. Резниковой: «После конца войны А. М. взял советский паспорт. Хотя к этому времени силы его несколько восстановились, все же А. М. был, конечно, слишком слаб для того чтобы возвращаться в Россию, предпринять такое путешествие и такую ломку жизни. (...) Если он, несмотря на все, думал о поездке, то это для воз-

можной встречи с дочерью, звавшей его к себе. После смерти Наташи ее сын Борис, в свою очередь, звал деда в Россию. В 1946 году пришла весть о смерти Наташи (...) А. М. думал, что смерть была насильственная». ¹⁶ Голоса другой части эмиграции, негативно оценившей послевоенное поведение Ремизова, зафиксированы в воспоминаниях самого писателя: «Из 1947 г. мне памяты три крепких отзыва: „ретроград“, „подлец“, „советская сволочь“». ¹⁷ Там же отмечена реакция И. Бунина на визит Ремизова к советскому послу: «Узнав, что я ничего не получаю от Богомолова, он сказал: „Как собачонка на задних лапах ждет подачки“. — „Дадут“, — заметил добродушно Пантелеймонов». ¹⁸ Наиболее резким неприятием шагов Ремизова по установлению контактов с родиной пронизана оценка Р. Гуля: «Из писателей получать паспорта пришел А. М. Ремизов (по своему глубокому цинизму ему было все равно, какой паспорт брать, авось можно на этом чем-нибудь пожить, он завтра и от царя-батюшки взял бы с удовольствием)». ¹⁹

В свете столь полярных мнений современников и глухого обсуждения этих вопросов в переписке Ремизова, «Дневник мыслей» представляет собой уникальный источник, дающий возможность как бы изнутри осветить ситуацию с его несостоявшимся возвращением в СССР, поскольку она присутствует в снах писателя с середины 1940-х до 1954 г. Их анализ позволяет вычленить несколько аспектов этой темы, постоянно возникавших в подсознании Ремизова. Выделим эти аспекты, иллюстрируя их примерами снов писателя.

Среди его ночных размышлений на тему возвращения в Россию на первое место можно поставить переживания своих дневных контактов с представителями советской власти в образах, навеянных «визитом к послу», а также возникших под влиянием наяву делавшихся Ремизову авансов и обещаний.

16. Резникова Н. Огненная память. С. 57.

17. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 90.

18. Там же. С. 118.

19. Гуть Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. М., 2001. Т. 3. Россия в Америке. С. 125.

Сон с 1 на 2 февраля 1947 г.:

«Какой-то самый главный из „Советского патриота“ похож на кучера в зимнем одеянии — необыкновенных размеров. И он со мной необычайно приветливо, что даже неловко. Я не знаю, что и говорить мне».

Сон с 14 на 15 марта 1950 г.:

«Пришел человек с бумагой: меня вызывают в посольство. Бумага: лист, как кремное желе, а буквы — мармелад. Так вид „кутьи“. И с этим человеком я иду: сначала в бистро. <...> Из бистро поднимаемся на стройку, откуда надо лететь на улицу. Перелетели и идем через толпу, И я леплю фигуры, что за матерьял, не знаю, мне надо довести их до тончайших живых».

В снах Ремизова тема возвращения увязана с размышлениями над судьбой его имущества — книг и рукописей — и с мыслями о возможностях их издания в СССР.

Сон с 27 на 28 декабря 1947 г.:

«Милюков, он же и Бунин, наклоняясь: где библиотека Ремизова? Лицо у него красное. А потому, что мы уезжаем в Россию. Эренбург и И. П. Кобеко».

Сон с 25 на 26 апреля 1952 г.:

«Бр(онислав) Сосинский говорит мне: „Вас напечатали в России в газете. Трудно узнать, поправки и от себя, редакция!“»

В ночных видениях Ремизова тревожили мысли о том, что России, какую он знал, в реальности больше не существует, и что писатель будет «чужим» в той стране, куда его приглашали вернуться.

Сон с 22 на 23 января 1946 г.:

«Приехали в Россию. На улице — Москва. Маросейка. Я без белой палки. Как-то встретили и смотрят недоумевающе, и я себя вижу: я в шляпе „лодочкой“. Они понимают, что я „чужой“. Вижу какие-то Мамченки; но они меня не замечают. Возвращаются. С ними Чичибабин. <...> И какой-то догадался, что мы „приезжие“. И на стул Чичибабину положил семечки — знак особенного уважения — так надо понимать. Я говорю С. П.: „Как же нам теперь? Надо прописаться!“ И думаю, я как-нибудь устроюсь, а вот ей будет трудно. Надо ведь ходить куда-то».

Сон с 20 на 21 февраля 1947 г.:

«Возвращаемся в Москву, с нами Аронсберг. Мы вышли на Николаев(вский) вокзал, а они дальше поехали. Встреча со знакомыми: кондукторы — все молодые. Некоторых знал мальчиками. Один особенно хорошо говорит: защищается. У дверей „делегация“ и один в форме маленький — кондуктор: проверить счетчик».

Сон с 14 на 15 ноября 1950 г.:

«В Москве у Пришвина: готовят обед: тарелки на столе. Пришвин такой, как прежде: будет читать. А я пока что вышел из дому — через окно, как из клетки. И прошел в Кремль. Когда я шел по Варварке, я никого не встретил. Все, как на картинке. И в Кремле ни души. Стоят соборы, но тишина безлюдья — все кончилось, я один».

Тема «чужого» в родной стране тесно переплетается с темой опасности, провокаций и репрессий, ожидающих тех, кто возвращается на родину.

Сон с 29 на 30 марта 1950 г.:

«Письмо из России: написано карандашом, не могу прочесть, но в письме алфавит мелко, какие узорные, украшенные — заплетенные виноградом буквы. Я их воспроизведу. И показываю. А прислал, я догадываюсь, Федин, через актера Ан(атолия) Павл(овича) Нелидова. А вот и Нелидов. И сидит: то он в России, то он в Париже. И я вспоминаю, как он умел, лстыя, ладить со всеми: он играл в лад».

Сон с 10 на 11 января 1953 г.:

«Мы вернулись в Россию. Из залы видим: подъехал поезд, раскрылся товарный вагон: стоит И. И. Манухин, я к нему. И попал в бистро. Хозяин Соломон Сегаль (Вологда). Он отделил из пакета папиросы для меня. Теперь мы устроились. Надо отыскать уборную. Нашел. Но там Dominique Auric».

Сон с 24 на 25 января 1953 г.:

«Меня выслали в Астрахань. Ссылка заключалась в том, что я лежу на кровати и у меня, как книга, большая сушеная рыба размера — лещ. Кроме меня попал в ссылку А. Ладинский: ему непривычно. И он все подымается со своей кровати. А в глубине комнаты, как паучиха в углу, — Вельтерша».

Подсознательно мысли о возвращении соединялись с размышлениями о том, что современная Россия — это тоталитарное государство, во главе которой стоит всесильный диктатор — И. Сталин. Образ этого вождя постоянно встречается в сновидениях Ремизова, представляя неким то завлекающим, то страшным персонифицированным символом СССР.

Сон с 7 на 8 мая 1948 г.:

«Прохожу коридорами — зеленой дорогой. Дом, и в этом доме — зашел туда Сталин в белом. Потом и все входят. Чего-то подписывают. И тут Пантелеймонов».

Сон с 22 на 23 ноября 1948 г.:

«На полке бюсты: Сталин, Рыков и еще кто-то. Они говорят без слов понятно: „отслужили“. Из нашей комнаты калитка в сад. Я заглянул: там в саду ванна. И сидит Сталин. „Я тут у вас устроился“, — говорит он. Я думаю, надо предупредить С. П. И идем по улице. Деревянные дома, а один маленький каменный. „Пожар, — думаю, — кончился“. „Это дом Кобринского“, — говорит С. П. Но это ничего, это один из домов, да и пожар кончился. Разбираю рукопись. „Церковно-славянская болтовня“ — о почтении креста. Ничего нового, но слова и целые фразы, как рукопись, очень затертые. И опять говорю: „церковно-славянская болтовня“».

Сон с 8 на 9 декабря 1952 г.:

«Сталин с виду рыцаря Паламеда. В его руках 10 огромных свечей. Поле. Он показался издалека. И приближается. Я раздумывал и удивлялся: как может человек нести так много. И когда я так думал, Сталин был ближе ко мне, и я сосчитал: не 10, а 4 свечи.

Четыре свечи — но и это чудесно, кто это возьмет и удержит? И взгляды-ваюсь — Сталин совсем близко. Нет, не 4 свечи: две свечи в его руках, как два меча Паламеда».

Как известно, Ремизов так и не возвратился в СССР, что сорвало планы по изданию на родине его произведений. В снах кристаллизация решения о невозвращении относится к 1952 г.

Сон с 14 на 15 сентября 1952 г.:

«В открытое окно: перед домом помойка и дальше роют — старую засыпят. Надо закрыть окно: известь ест глаза. Я в другую комнату

к С. П. — предупредить. Она только что поднялась и сидит на кровати. Я вышел на кухню: мне надо проверить „В сырых туманах“. Окончание я запекаю в хлебе. Да удобно ли так — рукопись в „Нов(ом) Жур(нале)“ — если я пошлю еще в сборник? Единственный экземпляр. И выхожу в сени. И вижу: приближается Н. В. (Резникова). И вот она тут — в избе, долгое путешествие. И узнаю: ей передал Бердяев, Лежнева арестовали. И я понимаю: мне ехать не следует» (на полях записи помета Ремизова: «получил письмо»).

В «Дневнике мыслей» тема возвращения на родину окончательно затухает после осмысления Ремизовым факта смерти Сталина и связанных с ней эксцессов, воспринятых как символы-предвестия новой катастрофы, ожидающей Россию.

Сон с 5 на 6 марта 1953 г.:

«(Цитата:) „Весь славянский мир стал на сторону Сталина“. / Письмо с газетными вырезками».

Сон с 16 на 17 марта 1953 г.:

«Попал к великим. Один со змеиным ртом в черном с бриллиантовыми запонками — покровительственно. Он стоит. А другой сидит — людоед. Он посадил меня на колено, расставив ноги. И я узнаю, что это Сталин. Иду в очереди к гробу. Хоронят священника о. Василия. Лицо закрыто, как у священников. Я поцеловал золотой крест».

Сон с 26 на 27 января 1954 г.:

«Я не встречал Сталина, знаю по портретам и рисунку Пикассо. И как однажды по смерти Сталина вижу великана, полулежит. Я понял, умирает. И он со мной ласково простился. / Из соседней комнаты волчком показалась фигурка — дочь Сталина, а за ней в ветхом истлевшем платье — жена Сталина: на ее лице ужас. И не оттого, что умирает Сталин, а что дочь превратилась в волчок — кружится и не может остановиться».

Знаменательно, что в художественных произведениях и письмах Ремизова тема возможности его реального возврата на родину осталась невысказанной, и только материалы «Дневника мыслей» позволяют раскрыть этапы принятия решения о невозвращении.

В снах также происходил творческий процесс обдумывания и писания литературных произведений. В сновидениях Ремизова 1940—1950-х гг. продолжалась его дневная работа над циклом «Легенды в веках», книгами «Мышкина дудочка», «Подстриженными глазами», «Огонь вещей», «Иверень», «Петербургский буерак» и др. Кроме писания реальных произведений, ночью совершалось создание не только текстов, но и художественных объектов (например, альбомов с рисунками), являвшихся всецело достоянием астрального мира. Автор «Дневника мыслей» мог лишь частично отразить в нем свои «припоминания» об этих арт-объектах в виде краткого изложения их содержания или неточных описаний. Как пример, можно привести записи сновидений 1951—1953 гг.:

Сон с 19 на 20 июля:

«Все происходит в книге на листах. Я хожу по строчкам и проникаю в их звук — смысл. И тут какая-то, я не могу вспомнить, кто это в белесом платье, останавливает меня — на „точках“, где надо и где не надо. Она не враждебна, но только мешает».

Сон со 2 на 3 августа:

«Рукописная книга. Чтобы выделить то, что пишу про себя и чему придаю значение, освещено зеленым, я различаю деревья. Из текста глаз переступает ногами на землю. И снова переходит в текст. Я повторил — все стройно — отлив: зелень и земля. Н. Резникова говорит: „Напрасно вы мне расчет о продаже «Бесноватых» написали“».

Сон с 10 на 11 ноября 1951 г.:

«Я одновременно и кошка, и мышь. И наблюдаю за собой, стоя в дверях. Из гард-манже смотрит на меня усатая рожница с блестящими глазами и перед ее глазом черной искоркой взблеснула мышь. / Отхожу от дверей. „Сам себя упустил!“ Она живет далеко (мышь?). Но я доберусь до нее во что бы то ни стало. / Еду в поезде. На остановке вышел. Тут говорят: началась война. Спешу выпутаться. Весь я застегнут и соединен петлями с вагоном. „Сейчас поезд, — говорят, — скорее!“ А я не могу выпутаться — весь в пуговицах».

Сон с 4 на 5 января 1953 г.:

«Два рассказа. Расположены один за другим в виде футляров. В первом трухлявая деревяшка, во втором электрический механизм. / Мне бы надо

раскрыть содержание, но я не трогаю, я только смотрю и чувствую, скучные рассказы».

Наконец, в сновидениях Ремизов реализовал свою миссию визионера, посредника между мирами. Дорога в глубины «памяти» являлась для писателя «путем» движения в пространства, не подвластные координатам реальной действительности. В понимании природы «памяти» Ремизов был последователем восходящей к Платону метафизической теории анамнезиса, согласно которой познание есть припоминание, воспоминания души об идеях, которые она созерцала до ее соединения с телом. В осмыслении своей сновидческой практики Ремизов базировался на интерпретации этой теории европейскими мистиками рубежа XIX—XX вв., а также, и не в последнюю очередь, основывался на постулатах антропософии. В своих сноформах писатель как бы «воскрешал» свою память о людях, встреченных не только в реальности (и недавно, и много лет назад), но и в «прошлых» жизнях своей души.

Пространства сновидений Ремизова — места его «памятных встреч» — множественны, лишены временных и географических границ. Первое место в их череде отведено мыслимой родине. Та Россия начала XX в., которую в годы эмиграции Бунин воскрешал в своих художественных произведениях, у Ремизова многокрасочно существовала в сновидениях. Для него бессонница или забвение сна, возникавшие вследствие болезни или нервного напряжения, были равносильны опусканию «железного занавеса», в реальности перекрывшего писателю путь возвращения на родину.

Кроме мыслимой России в сновидениях существуют столь же надральные пространства СССР и Франции, где происходили встречи Ремизова с разнообразными ночными визитерами. Сновидения писателя населяют живые люди — его друзья и знакомые из мира русской эмиграции и французских литературных кругов, а также обитатели ближнего бытийного мира — соседи по дому, консьержки, лавочники, сборщики налогов. Сюда же можно отнести появляющихся в снах политических деятелей, живых или недавно скончавшихся, приходящих в сны под влиянием известий о событиях современной истории (среди них можно назвать де Голля, Сталина, Молотова, Гитлера).

Кроме живых, в число ночных визитеров входят уже покинувшие этот мир. На первое место здесь надо поставить Серафиму Павловну, являющуюся к любимому почти каждую ночь. Параллельные записям ночных видений дневные записи — размышления конца 1943-го — начала 1944 гг. — фиксируют, как Ремизов мучительно искал пути к ушедшей жене.

Запись от 22 октября 1944 г.:

«Не могу вспомнить спокойно день похорон. (...) Могу ли изжить, спрашиваю себя, нет, наверно, до смерти. А после смерти, могу ли победить эти чувства, уже бесчувственный, но по-другому, не так, как в то утро, в тот день и в тот вечер. Я хотел бы пробить эту стену, отделяющую живое и мертвое. Но ведь тут не только чувство, а мое сознание — то, что не пропадает, так говорят, что не пропадает. Если бы я знал, что не пропадает, я бы думал, что это сознание мое в какой-то форме выразится там, по смерти, и я бы по-другому жил, не так, как эти полтора года».

Запись от 10 ноября 1944 г.:

«Когда на меня накатывает черная волна, и сердце мое вдруг обнажается, что это? Может быть, это оттуда? Не знаю, как назвать, память?»

Постепенно Ремизов пришел к мысли, что он может каждодневно «воскрешать» умершую жену в сновидении. В дневнике четко указано: в записях снов постоянное употребление местоимения «мы» имеет принципиальное значение. Оно всегда отмечает, что все совершающееся происходит с двумя людьми: Ремизовым и Серафимой Павловной.

В ночном мире, кроме жены, к писателю часто приходят умершие близкие друзья. Постоянно Ремизова посещают А. Блок, П. Щеголев, И. Рязановский, В. Розанов, Л. Шестов. В сновидениях появляются родные: братья Виктор, Николай и Сергей, дядя Н. А. Найдёнов, а также ушедшие «собратья по перу» — современники по эпохе Серебряного века, такие как Н. Бердяев, Л. Андреев, М. Цветаева, М. Горький, В. Мейерхольд, чета Мережковских и многие другие.

В сюжетах сновидений с приходящими «третьими лицами» важное место занимает тема прозрачности границы между жизнью и смертью.

В снах этот рубеж размыт и предстает кажимостью. Как пример, можно привести сон с 27 на 28 августа 1949 г.:

«С. П., но она не умерла. И вообще люди не умирают, а их закапывают живыми. Я простился. И вышел. И проношусь — лечу низко по дороге. И вижу: лежат рядами, наряженные в белое — такая форма — обреченные смерти. И С. П. лежит, затихшая. И теплый свет освещает ее. „Хорошо, что тепло, — подумал я, — а зимой?“ И дальше лечу. / И опять по дороге белое, но это не белые цветы — узнал от П. Е. Щеголева, это мои письма».

Та же тема пронизывает сон с 26 на 27 августа 1950 г.:

«Выделился Бердяев: тонкий молодой — воздушный, и не идет, а, как плавающая, подвигается. Со мной ласково — и все ему удивительно. Я понимаю: попал на землю. / М. В. Сабашникова и тоже выделилась из круга, но она не такая воздушная, как Бердяев. Я понимаю, она живая. Со мной заботливая. / С С. П. в комнате. Устроена перегородкой. Висят на веревке игрушки и украшения, как у меня когда-то. Я знаю, что это осталось от умершего, кого — не знаю. И С. П. показывает — выползают маленькие черви».

Зыбкость и проницаемость границы между мирами позволяли Ремизову-визионеру предчувствовать смерть живущих и, одновременно, предвидеть ее относительность. Такова тематика снов, касающихся стариков — его современников по эпохе Серебряного века.

В качестве примера остановимся на анализе сновидений, связанных с фигурой И. Бунина. В ремизовских снах фигура его вечного эстетического оппонента, когда-то непримиримого ругателя, а в последние годы посетителя квартиры на улице Буало возникает как бы освещаемая светом их многолетнего литературного соперничества. Еще живой Бунин в снах до 8 ноября 1953 г. — дня его смерти — представляется мертвым классиком русской литературы.

Сон с 14 на 15 мая 1951 г.:

«Сходим вниз в столовую. За столом вижу: И. С. Шмелев — молодой, нарядный. И прохожу в другую комнату к столу. Там И. А. Бунин. Несут блюдо: телячьи „косточки“. Я было с ножом отрезать, где мясо. „Нет, говорят, вам с того конца, а это Бунину!“ И положили мне косточку без

мяса. Но меня это никак не тронуло. Возвращаюсь, где за столом Шмелев. И тут какой-то большой, как Зеелер ко мне: „Да что вы к Шмелеву. ну что у вас общего?“ — Как, говорю, общего? Оба мы из Москвы, соседи. Я из Б(ольшого) Толмачевского переулка — и вдруг забыл, как же церковь — приход? А этот Зеелер смотрит с усмешкой: я-де заврался! — приход Николы в Толмачах! — И опять смущенно смотрю, „а как, думаю, приход Шмелева?“ и не могу вспомнить. / Стоим очередью. А какой-то проверяет. Который передо мной, очень боится. И тот, кого проверяет, с ним грубо и вытолкал на улицу. Вот никогда бы не подумал — смирный и робкий. Моя очередь. / Он мне запрокинул голову и, заглянув под глаза, весело: „Да ведь вы от Розанова!“»

Сон с 1 на 2 мая 1952 г.:

«„Умер И. А. Бунин!“ — сказал А. Бахрак. И я подумал: больше сердиться некому. Я остановился: приезд Чичикова к Коробочке, и не могу найти страницу. / На суде за столом В. В. Розанов в сером — он председатель. Мое место сбоку. Я тоже судия, но мое чувство, что обвиняемый я самый и есть».

Сон с 16 на 17 февраля 1952 г.:

«У Бунина. Он лежит нарядный. Я говорю: „Наш великий!“ И думаю: неужто он верит? И мне его жалко: вижу, он поверил».

Сон с 10 на 11 сентября 1952 г.:

«Спускаюсь ниже. Когда подходили к последнему этажу, там у дверей чулан, и в чулане на полу лежит старик — труп: И. А. Бунин. С. П. испугалась. И мы очутились опять в нашей комнате».

Реальная смерть Бунина и отношение к нему Ремизова фиксируются в записи, касающейся дневных событий и сделанной в ночь с 11 на 12 ноября 1953 г.:

«Сегодня хоронят Бунина. Ложась, подумал, для меня давно он был не живым, а из истории русской литературы. И даже когда он на кухне, разгребаясь в истории же, ругал Достоевского и ближайших: Горького, этим он хотел сказать „не они, а я“. То, что он ругал Горького, это еще куда ни шло, но Достоевского, не имея и доли его гения, было мне очень тяжело. / И сегодняшний сон — я иду по козам — со страницы, перелистывая, на страницу».

Ремизовское предчувствие смерти современников повторяется в «Дневнике мыслей» не раз. Так, сон с 26 на 27 сентября 1952 г., касающийся писательницы Тэффи, впоследствии был отмечен, как предсказание, самим Ремизовым, не раз перечитывавшим страницы своего дневника:

«Неожиданно входит А. В. Бахрак. Он очень обрадован: вернулся. И мы очутились у Тэффи. Она лежит. Мы пришли очень рано, очень удивились: так рано. И говорит мне, я не похож на того, кого она привыкла видеть. И я понимаю, что не в дурном смысле. И мысленно пишу последнюю сцену „о короле Клевдасе“ (Clovis). И сознаю, пишу во сне. / Она спихнула с себя одеяло и подняла рубашку. Какие страшные ноги — застылые и очень белые» (напротив записи сна помета Ремизова: «Сон к смерти Тэффи † 6 X»).

Ремизовское восприятие проницаемости миров и осознание своего собственного пограничного положения как обитателя и этого, и тех пространств, видны в его записи в ночь с 21 на 22 ноября 1951 г. — заметках о дневных событиях, в частности, о получении известия о смерти Тэффи: *«Проехал через Париж И. В. Кодрянский. Не успел я с ним и слова сказать. Говорят: умерла Тэффи. Подумал: а вот она и у нас: пришла, как живая (курсив мой. — А. Г.)»*.

Способность Ремизова-визионера передвигаться между пространствами давала ему метафизическую возможность оказываться рядом с теми, кто нуждался в его помощи и участии. Так, в 1952 г. до писателя дошли слухи о гонениях в СССР на Анну Ахматову. Поэтесса начала появляться в его снах, причем в атмосфере опасности и предательства, знакомых Ремизову по его революционному прошлому. В этой же связи участниками «ахматовских снов» стали его давняя знакомая по вологодской ссылке начала XX в. В. Тучапская, а также видные деятели эсеровской партии Н. Авксентьев и В. Лебедев.

Сон с 7 на 8 марта 1952 г.:

«Театральный зал. Проникнуть было трудно, надо было проходить через холодильник. Но это собрание. Я стою в партере. Скрип кресел, стоит впереди в красной кофточке, она похожа на А. Ахматову. Она смотрит в себя, никого не замечая. На блюдечках несут мороженое желтое сливоч-

ное. Но мне не попало. Я понимаю, на всех не хватает. / Вл. Ив. Лебедев говорит: — А у нас был такой молодой коммунист, он написал: „арестовать Ремизова“. / И я увидел, как эта налитая красным подняла глаза и посмотрела на меня. И я подумал, вот и я, и она — мы не сидим со всеми, а на виду у всех, это здешняя поэтесса — Ахматова. И я поклонился ей».

Сон с 5 на 6 мая 1952 г.:

«Вдруг вижу: около окна лезут ко мне. Их трое, большие, в сапогах. Смотрю, что будет. Один едва удержался, а я ждал, сверзнется. Влезли. Мне очень неловко, я лежу, проснулся, а им чаю надо дать. И откуда-то появились чашки. И который чуть не сверзился, сидит за моим столом и пьет, похож на Брежнев'a. / И я очутился в Орéга. / Говорят: „Смотрите, Ахматова с Авксентьевым“. / Я спустился в партер. И правда, Ахматова, но с ней не Авксентьев. / „Ахматова, говорят, поздоровалась, а который с ней, недружелюбно“. / Вижу на балконе скромно В. Г. Тучапская (из вологодской памяти). / Огни потушили и сцена опустилась — занятно: какой свет! — снизу на четверть, сияние: морской травы. / И я вышел. С. П. Идем домой. Дорогу не знаем. Посередке дом и вдали него две улицы, как Ав. Mozart и La Fontaine — куда идти. И пошли — „La Fontaine“, направо. Идем мимо заборов. Впереди Ахматова и с ней тот, кого приняли за Авксентьева. / И „Авксентьев“ говорит: / — В нашей типографии... / И я понимаю, что он не русский, военный — в „генеральном штабе“ — / Ахматова обернулась и поздоровалась со мной».

Какова внутренняя динамика изменения пространства «Дневников мыслей» Ремизова? С течением времени круг реального общения старого писателя постепенно сужался, соответственно уменьшалось место, отводимое его фиксации на страницах тетрадей. С другой стороны, сновидения начали все более выполнять компенсаторную функцию возмещения утраченных возможностей общения с миром.

В «Дневнике мыслей» Ремизов постоянно записывал не только сноформы, но и сам процесс своего сновидения. Записи такого типа подтверждают фиксирование в дневнике подлинных снов, в которых определенная заданность сочетается с непосредственной записью видений, рожденных подсознательным.

Сон с 7 на 8 января 1950 г.:

«Заснул после 6-и утра и вот 11 часов утра. Такая беспробудная сонь. Тихо плыл без пристанища, путь ровный и берегов не видать, думаю. „Проснуться во сне!“ — так теперь думаю, а в мертвом сне возможно ли пробуждение?»

Сон с 3 на 4 ноября 1950 г.:

«Мысль может снять сон. Задумавшись, заснул. И не мог выйти из застроенного дома (я понимаю: дом, где живут мысли). Это вовсе не светлые просторные комнаты, а все запутано и перепутано, только уголки расчищены. Попадешь, не выберешься. / А кругом дома бушует буря».

Сон с 1 на 2 декабря 1950 г.:

«Поднялся в 4 ч(аса) утра, когда, отдохнув, я переходил в сновидение».

В «Дневнике снов» Ремизов отмечал, как негативные, факты нарушения его сновидений из-за приема снотворных препаратов, одновременно, отмечая их воздействие на процесс сна. Например, это зафиксировано в записи со 2 на 3 июля 1953 г.: *«„Веганин“ вызывает сновидение, а „гарденал“ гасит. Легкой полосой тянутся дороги, ухватиться не за что. Появился Бахрак».* Запись с 14 на 15 июля 1953 г.: *«Тройная доза гарденала (1+1+3) действует убийственно. На сонную память. В первый раз я не могу восстановить мою прошлую жизнь. Я спал ключом».* Запись с 20 на 21 июля того же года: *«Единственный способ вернуться к обычной жизни — бросить „душиться“ гарденалом. Я попадаю в волну без образов, тихо течет ночь не темная, бело-голубая».* Запись о ночи с 29 на 30 октября того же года: *«Явь впилась в меня и загородила дверь в сновидение. Ночь прошла в поправках моего плохо написанного текста, заботах о исправлении. Я на островке среди моря. Кругом бушует. И мое никуда».* Запись, сделанная после ночи с 17 на 18 мая 1954 г.: *«Сны восстанавливаются нелегко. В памяти они проходят через навязывающиеся мысли — то, что называется „прилог“».*

Фактически «Дневник мыслей» стал последним произведением уже совершенно слепого литератора, которое тот дописывал скачущими, набегающими одна на другую строчками, зачастую процарапывая пером с закончившимися чернилами. 15 июня 1957 г. Ремизов как бы подвел

итог своему многолетнему труду: «Заканчиваю дневники — последние долги живой жизни. Записи с возвращающимся дыханием, что „надо терпеть“. (...) Я вижу стиснутого глухой стеной — не двинуться, не протиснуть руки — замурованный застенок. В упорном терпении с прорывом отчаяния проходит жизнь (...) напишут потом „после и“ — „после мучительной болезни тихо скончался“. / В записях дневника нет никаких событий и только выблеск мыслей. И нищая молчаливая просьба слепого: „Почитайте!“ И это так понятно: „набраться чужих мыслей“ и выйти в отразившуюся в них жизнь».

После смерти писателя «Дневник мыслей» остался у Н. Кодрянской, которая, выполняя последнюю волю автора, вернула его на родину.

«Дневник мыслей» Ремизова имеет значительную ценность и с художественной, и с документальной стороны. Соединение в нем дневной и ночной составляющих позволили представить широкую панораму русской культуры Серебряного века, художественной жизни и быта русской эмиграции первой волны. Дневник также является своего рода творческой лабораторией писателя, давая читателю уникальную возможность увидеть процесс рождения и формирования художественных произведений.

«Дневник мыслей», созданный Ремизовым, мастером русского авангарда, чье творчество было понято и принято французскими сюрреалистами, — это монументальное произведение экспериментального жанра, отражающее личность своего создателя и все те множественные миры культуры, по которым не уставала странствовать его душа.

А. М. Грачева